

一茶と女性

ЖЕНЩИНЫ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

100 хайку
Кобаяси ИССЫ

УДК 821.521.1–1
ББК 84(5Япо)–5
К55

Kobayashi Issa
Une femme au Japon

Впервые опубликовано во Франции под названием:
Une femme au Japon. Haïkus de Kobayashi Issa

Перевод с японского языка Т. Соколовой-Делюсиной
Автор статей С. Родин:
«Женские черты исторического облика Японии периода Эдо»
и «Поэт и его музы. Женщины в жизни и творчестве Кобаяси Иссы»

Кобаяси И.
К55 Женщины японской поэзии / Исса Кобаяси ; [пер. с яп. Т. Соколовой-Делюсиной]. — М. :
КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 176 с. — (БиблиоАрт).

ISBN 978-5-389-29670-1

Эпоха Эдо (1603–1868) — время строгих неоконфуцианских норм, предписывавших женщине быть покорной дочерью, женой и матерью, чей мир ограничивался стенами дома. Но так ли однородна была эта реальность?

В сборнике мы предлагаем выйти за рамки стереотипного образа гейши и взглянуть на подлинную, многогранную роль женщин в формировании культурного ландшафта Японии. Мы увидим это, рассмотрев судьбу поэта Кобаяси Иссы и его отношения с женщинами, а также изучив историю законов и запретов того времени (вроде знаменитой заставы Хаконэ).

Эта книга — погружение в частный, «внутренний» мир Японии периода Эдо. Это рассказ о том, как японки жили, любили, страдали и стремились к свободе. Они оставили глубокий, хоть и часто «невидимый», след в истории.

УДК 821.521.1–1
ББК 84(5Япо)–5

ISBN 978-5-389-29670-1

© 2025 Éditions de La Martinière, une marque de la société EDLM
© Соколова-Делюсина Т. Л., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, статьи.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

*Исса, мастер хайку,
не оставшийся равнодушным
к женской доле.*

ЖЕНЩИНЫ

ЭПОХИ ЭДО

江戸時代の女性

Женские черты

исторического облика Японии периода Эдо

Поэт Кобаяси Исса жил в Японии периода Эдо (1603–1868). Так принято обозначать два с половиной века нахождения у власти пятнадцати сёгунов (яп. 将軍) из династии Токугава, чей замок располагался в одном из крупнейших городов мира — Эдо, сегодня известном как Токио.

Остались в прошлом грандиозные самурайские сражения, закончился процесс объединения страны под началом сильного военного дома, отвечавшего за реальную политику при сохранении императорского двора в столице Киото. В Японии наступила эпоха длительного мира, который поддерживался с помощью весьма суровых мер. Законы сёгуната и княжеств отличались строгостью, а

нормы обычного права и традиции тщательно регламентировали все сферы частной жизни, ускользавшие от пристального взгляда самурайского правительства. Тем не менее отсутствие войн, равно как и крупных мятежей и междоусобиц, постепенно превращало потомков храбрых героев прошлого в чиновников, инспекторов и администраторов.

Неспокойные времена часто рожают великие имена, и Япония в этом плане не исключение. Согласно многочисленным опросам общественного мнения, которые проводятся крупнейшими японскими медиахолдингами и специализированными интернет-платформами, в числе самых узнаваемых и популярных

среди населения исторических персонажей регулярно называют «трех объединителей страны», самураев Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. А также, например, идейного вдохновителя реставрации императорской власти XIX века Сакамото Рёма, жившего в смутные времена, предшествовавшие краху сёгуната и номинальному переходу полноты власти к императору-реформатору Мэйдзи.

Однако в период Эдо были и другие герои, далеко не всегда представлявшие самурайское сословие, но именно они определяли культурный ландшафт своего времени, задавали и поддерживали ритм повседневной жизни и формировали ее предметный и событийный мир в пределах заданных властями рамок, а иногда и выходя за них. В Японии на этот период приходится расцвет традиционной городской культуры с ее пестрыми развлечениями и шумными буднями. Эта культура создавалась торговцами, ремесленниками, мастерами, поэтами, писателями, бродячими артистами, актерами театральных трупп, мастерами гравюры, обитательницами «веселых кварталов» и чайных домов, владельцами харчевен, а также наставниками, за умеренную плату обучавшими последователей различным «путям», будь то «путь кисти» или «путь цветка».

В японском языке есть пословица, которая звучит следующим обра-

зом: «Среди цветов — сакура, среди людей — самурай» (яп. 花は桜木人は武士, ханава сакураги хито ва буси). Она была знакома японцам периода Эдо и последующих исторических эпох, однако в исторической перспективе оказалась справедливой лишь отчасти. Действительно, при сёгунах из династии Токугава реальная политическая власть была сосредоточена в руках представителей воинского сословия. И хотя официальная четырехчленная система стратификации населения, известная как *си-но-ко-сё* (яп. 士農工商), помещала их на верхушку иерархии, олицетворением этого времени стали известные и сегодня поэзия трехстиший *хайку* (яп. 俳句) и проза для самой разнообразной аудитории, гравюра *укиё-э* (яп. 浮世絵) и театральная традиция *кабукки* (яп. 歌舞伎), культура питания и мирные ремесла.

К настоящему времени куда громче имен большинства сёгунов звучат, например, имена трех «гениев хайку»: поэтов Мацуо Басё, Ёсы Бусона и Кобаяси Иссы; сочинителя остроумной и часто весьма фривольной прозы Ихары Сайкаку, которого называют «японским Боккаччо»; мастеров *укиё-э* Кацусики Хокусая, чья «Большая волна в Канагаве» давно накрыла весь мир, и Китагавы Утамаро, знаменитого своими работами в жанре *бидзинга* (яп. 美人画), на которых изображались японские красавицы. Во многом благодаря им и другим

творцам культурного ландшафта Япония периода Эдо имеет много изысканных, женских черт в своем облике — таком, каким он виделся в более поздние эпохи.

Однако современное восприятие феминности того времени чаще всего сводится к образу *гейш* (яп. 芸者, *гэйся*) с их красивыми прическами, роскошными *кимоно* и утонченными манерами. Безусловно, этот институт, зародившийся в XVII веке как часть новой культуры отдохновений, играл значительную роль в эдоской повседневности. Сложно переоценить то влияние, которое он оказал на дальнейшее стереотипное восприятие женщин в японской истории. Но за пределами «веселых кварталов» жили японки, одевавшиеся совсем иначе: они, сталкиваясь с другими трудностями и бытовыми заботами, на свой манер реализовывали потребности в отдыхе и развлечениях. Они составляли примерно половину от общей численности населения, которое, согласно оценкам специалистов по исторической демографии, к началу XVIII века достигло отметки приблизительно 30 миллионов человек. Женщины в значительной степени определяли бытовые и культурные запросы общества, а многие из них владели грамотой и проводили досуг за чтением.

Несмотря на это, Япония того времени — мир мужчин: именно они устанавливали правила поведения в

обществе и семье, писали развлекательные сочинения и назидательные трактаты, в том числе для женской аудитории, а также запечатлевали красавиц на гравюрах. Иными словами, тогда женщин изображали (причем во всех смыслах) мужчины. Так, например, в силу ряда причин и после череды запретов в театральной традиции кабуки, основоположницей которой считается жрица святилища Идзумо по имени Окуни, было запрещено играть женщинам. Все роли, в том числе женские, исполняли мужчины. Истории из жизни красавиц, преступниц и почтительных дочерей становились всеобщим достоянием благодаря мужчинам-писателям и драматургам. И даже главные поучительные тексты, посвященные пестованию идеалов женственности этого отрезка японской истории, были составлены мужчинами. Взглянуть на женщину периода Эдо в отрыве от стереотипов не получится: мы неизменно сталкиваемся с мужским взглядом на жизнь и распределение ролей в социуме.

В качестве главных причин сложившегося положения принято обозначать как традицию, так и распространение неоконфуцианской идеологии, которой придерживался сёгунат Токугава. Такие мыслители, как Фудзивара Сэйка, Хаяси Радзан и Араи Хакусэки, интерпретируя трактаты китайского ученого мужа и комментатора конфуцианской классики

Чжу Си, разрабатывали элементы политической философии, использовавшейся военными правителями Японии для управления страной. Помимо сохранения предзаданных иерархических отношений между основными социальными категориями, идеология Токугава поощряла распространение принципов сыновней и дочерней почтительности и покорности, а также соблюдение «трех устоев», согласно которым правитель имеет власть над подданными, отец — над сыном, а муж — над женой. Подобный подход не давал возможности людям, помещенным на нижние ступени иерархической лестницы, прямо влиять на принятие значимых решений, однако предполагал различные меры, направленные на их обучение следовать правилам.

Если на уровне сёгуната и княжеств источником норм выступали политики и чиновники, то в деле своеобразного народного просвещения в этот период преуспели ученые мужи и наставники: подстраиваясь под свою целевую аудиторию, они писали назидательные и поучительные трактаты на доступном языке. Из инструментов, которые предоставляла им графическая система японского языка, сочинители предпочитали отнюдь не иероглифы, в древности и Средневековье нередко именовавшиеся в Японии «мужскими знаками» (яп. 男文字, *отоко модзи*). Ученые

мужчины обращались к слоговой азбуке, образно названной «женским письмом» (яп. 女手, *онна дэ*; буквально: «женская рука»). Даже в знатных аристократических семьях придворного круга было не принято обучать девочек большому количеству сложных иероглифов. Чтение ими сложных сочинений, вроде исторических хроник, и вовсе не одобрялось обществом. Азбука, в свою очередь, считалась подходящей для дам как в силу своей простоты, так и элегантности написания знаков.

Для неоконфуцианского наставника Кайбара Экикэн, который считается автором первых назидательных сочинений, адресованных женщинам периода Эдо, как и ряда других аналогичных текстов, первостепенную значимость при выборе графической стилистики произведений имели не вопросы эстетики, а доступность текста для широкой читательской аудитории, независимо от ее социальной принадлежности. В 1710 году он написал «Наставления о японских обычаях воспитания детей» (яп. 和俗童子訓, *вадзोकү додзикүн*). Там он, обращаясь к полуполюгендарным прецедентам из глубокого прошлого, обосновывал необходимость закрепления за женщинами строгих социальных ролей, приличествующих их текущему статусу дочери, супруги или матери, независимо от принадлежности к сословию. Девочкам и женщинам

следует проявлять покорность и послушание, ставить во главу угла идеалы служения и интересы семьи, благополучие и порядок в доме родителей или супруга, тогда как от занятий «внешними делами» следует полностью отстраниться.

Подобное функциональное разделение «внешнего» и «внутреннего» по гендерному принципу, что в данном случае можно трактовать как «общественное» и «домашнее», находило отражение как в языке, так и поведенческих моделях в разные периоды японской истории. Дамам, в особенности из благородных семей, например, не следовало покидать дом без веской на то причины и сопровождения, а также не дозволялось принимать у себя посторонних мужчин в отсутствие супруга.

В более широком контексте это значительно ограничивало возможности женщин перемещаться между провинциями и населенными пунктами. Так, например, система, именовавшаяся *санкин котай* (яп. 参勤交替), введенная сёгуном Токугава в XVII веке для установления контроля над провинциальными князьями-даймё (яп. 大名), требовала постоянного присутствия их жен и детей в Эдо, а многочисленные дорожные заставы превращались для женщин в непреодолимые преграды.

Примечательной в данном отношении является история заставы Хаконэ, считавшейся стратегически

значимым пунктом, позволявшим как следить за теми, кто покидал город и отправлялся в путь по тракту Токайдо, так и проверять въезжающих. К середине XVII века за Хаконэ закрепились фразы «ввоз мушкетов, выезд женщин» (яп. 入鉄砲出女, *иридэппо дэонна*): в самом кратком виде она описывала общий свод запретов при перемещении через заставу. Стражникам вменялось в обязанность проверять путников на предмет наличия оружия, проезд с которым в город сёгуна был запрещен, а также не допускать того, чтобы жены и дочери даймё и дамы из благородных фамилий без особого на то разрешения покидали пределы Эдо. Историки отмечают, что в штате заставы Хаконэ служили и женщины, поскольку мужчинам досматривать путниц было не дозволено.

Запреты, однако, не всегда останавливали эдосцев от попыток пройти через заставу без разрешения. Известно, например, как *ронины* (яп. 浪人), чтобы преодолеть заставу Хаконэ с дочерьми, коротко стригли им волосы и одевали в мужскую одежду, выдавая за мальчиков. Одиноким же путешественницам или паломницам, не имевшим документов, маскировались под монахинь и пытались с помощью различных ухищрений придать своему внешнему виду неприглядный облик. Исследовательница Лаура Ненци в монографии «В поисках идентичности: путеше-

ствия и взаимодействие места, гендера и статуса в Японии периода Эдо»^{*} приводит несколько примеров подобных попыток, как удавшихся, так и провалившихся, зафиксированных за весь период Эдо. В 1832 году женщине по имени Тацу удалось пройти через заставу Хаконэ, выдав себя за мужчину, и взобраться на гору Фудзи. А за полтора столетия до этого, в 1681 году, смотрители арестовали женщину из провинции Каи и ее одиннадцатилетнего сына, поскольку она попыталась выдать себя за монахиню, обрившись налысо. Нензи также указывает, что бдительность грозной стражи заставы Хаконэ, видимо, могла притупляться: в отношении лиц, чей внешний вид соответствовал общим представлениям об облике паломников, бродячих артистов или странствующих монахов и монахинь, особые проверки могли и не проводиться. В подтверждение этого исследовательница приводит выдержку из дневника женщины по имени Такэдзё, рожденной в самурайской семье, однако лишившейся статуса. В 1720 году она проделала путь из Нагоя в Эдо и без всяких проблем преодолела заставу Хаконэ, поскольку «проститутки и бродячие артисты — люди другого сорта». После этого она заметила, что не знает,

радоваться ей или печалиться отсутствию проверки документов в своем случае.

На языковом уровне принадлежность женщин ко внутреннему пространству дома закрепились в лексических единицах, с помощью которых принято обозначать эквиваленты русского слова «жена». Одно из них, *оку-сан* (яп. 奥さん), более уважительный вариант — *оку-сама* (яп. 奥様), в настоящее время используется в речи по отношению к супруге собеседника или третьего лица. Оно впервые зафиксировано в этом значении в документах второй половины XVI века, а этимологически восходит к обозначению женских покоев, располагавшихся в дальней (яп. 奥, *оку*) части усадьбы. Другое слово со значением «жена», употреблявшееся по отношению к собственной супруге, вошло в обиход во второй половине — конце XIX века. Оно звучит как *канай* (яп. 家内) и буквально переводится как «внутри дома».

Кайбара Экикэн в своем сочинении, перечисляя навыки и умения, которыми следует овладеть женщинам, ограничивается исключительно теми, что связаны с пространством дома. А в одном из разделов он вовсе заявляет, что по достижении девичьей возраста десяти лет ей не следует выходить на улицу, чтобы сосредоточиться на главном и избежать дурного влияния. Исследовательница А. С. Оськина в статье «Кайбара

^{*} *Nenzi L. Excursions in Identity. Travel and the Intersection of Place, Gender and Status in Edo Japan. University of Hawai'i Press, 2008.*

Экикэн и его «Поучения для девочек»» отмечает нетипичность данного текста для более ранней японской традиции. В предыдущие эпохи подобные наставления либо передавались изустно в рамках семьи, либо преподносились как советы матери или кормилицы дочерям. Теперь же они исходят от сведущего в китайской классике мыслителя-мужчины.

Экикэну приписывали также трактат под названием «Великое поучение для женщин» (*яп.* 女大学, *онна дайгаку*), куда вошла значительная часть его наставлений девушкам, дополненная советами для замужних дам. Хотя его авторство вызывает сомнения у современных исследователей, это сочинение оказало значительное влияние на формирование подходов к женскому воспитанию и общее отношение к положению женщин в эдоском обществе. Сочинения Экикэна, с одной стороны, отражали общие представления о нормативном поведении женщин в Японии того времени. С другой — служили прецедентными текстами для аналогичных наставлений, пособий по правильной семейной жизни и поучительных историй, написанных в более увлекательном тоне, но преследовавших все ту же цель — транслировать нормы и порицать отклонения от них.

К числу женских добродетелей относились: умение угождать другим, чему следовало обучать с детства (это должно было облегчить в будущем

общение с мужем и свекровью); правильная речь, под которой подразумевалось в первую очередь умение слушать других и говорить немного и к месту; опрятный внешний вид; чтение благопристойных книг для пестования сердца и нрава; умелое ведение домашнего хозяйства. Их отсутствие, в свою очередь, могло служить не только поводом для осуждения, но и легитимной причиной для развода.

А. Н. Мещеряков в монографии «Безымьянная Япония: демографическое, историческое и человеческое измерение» указывает, что в своих трактатах Экикэн перечислял семь «дурных качеств» жены: непослушание родителям мужа, бесплодие, развратность, ревность, болезненность, болтливость и вороватость. Это позволяло супругу без лишних разговоров вернуть ее в родительский дом и — при их наличии — оставить детей себе. Известно также, что и женщины могли инициировать формальное расторжение супружеской связи, однако, во-первых, данные критерии не применялись в отношении мужчин, и им требовались на то более весомые основания. Во-вторых, с учетом общего отношения к роли женщин в обществе, подобные случаи были весьма редкими для периода Эдо.

Развод, впрочем, не исключал возможности повторного вступления в брак как для мужчин, так и для женщин: и около 80% разведенных японцев и японок периода Эдо создавали

новые семьи. Исследовательница Эми Стэнли посвятила монографию «Незнакомка в городе сёгуна» женщине по имени Цунэко, которая за свою жизнь успела сменить четырех мужей, причем с последним из них, неким Идзава Хироскэ, состояла в браке дважды. Ее случай, конечно, носит исключительный характер, но доказывает наличие подобной возможности для женщин при всей требовательности конфуцианских норм к их поведению.

Неоконфуцианство периода Эдо нередко воспринимается как политическая и этическая система, склонная к рационализации и отвергающая чувственную сторону человеческой жизни. В этом плане проявление на людях или в семье эмоций и чувств, способных затуманить разум и помешать исполнению долга, не одобрялось, независимо от пола. Набирают популярность театральные постановки про несчастную любовь, заканчивающуюся трагически для влюбленных, не имеющих возможности открыто продолжать свои отношения. Востребованы произведения Ихара Сайкаку, например рассказы о «женщинах, предавшихся любви» и в порыве чувств совершивших поступки, нарушающие общественные устои. Все это свидетельствует о потребности японского общества того времени испытывать переживания подобного рода.

Япония периода Эдо не прощала женский адюльтер, и судьба героинь

Сайкаку, как правило, печальна, тогда как в отношении мужчин столь строгие требования не предъявлялись. Это делало возможным сосуществование строго неоконфуцианского порядка и многочисленных «веселых кварталов», обитательницы которых не могли претендовать на высокий социальный статус, однако стараниями писателей и мастеров гравюры иногда становились знаменитыми. Сёгунат не запрещал эту область взрослой индустрии развлечений для мужчин, называя ее «необходимым злом», однако старался контролировать ее, локализовав в определенных кварталах. В случае с мужчинами, предосудительным был не сам факт посещения заведений подобного рода или супружеская неверность, а чрезмерная расточительность или привязанность, которые могли поставить под угрозу благополучие семьи.

Согласно официальной неоконфуцианской идеологии, японская женщина в период Эдо рассматривалась исключительно в контексте семьи и дома. Вне официальной идеологии также доминировал мужской взгляд на женщин, но он был обращен в сторону увеселительных заведений. Тем не менее отдельные поэты и писатели, мастера гравюры и другие создатели культурного ландшафта этого периода предлагали иной, личный взгляд, это позволяет понять, что жизнь не ограничивалась заданными рамками ее восприятия.

Поэт и его музы

Женщины в жизни и творчестве Кобаяси Иссы

Поэт Кобаяси Исса принадлежал Японии, в которой правила жизни устанавливали мужчины, однако огромную роль в формировании его мировосприятия, предпочтений, образов и значимых воспоминаний сыграли женщины. Он рано остался без матери, но на протяжении долгих лет не мог отпустить идеализированные воспоминания о ней, столь трогательно переданные его знаменитым хайку (с. 166 «Покойная матушка...»). Бабушка, окружавшая его заботой и занимавшаяся воспитанием юного Иссы, удостоилась в поздних записях самых теплых эпитетов. И хотя достоверность приводимых им сведений вызывает сомнения, сам факт привязанности к ней и чувство бла-

годарности, которое он пронес через всю жизнь, отрицать невозможно.

Сложные и неприязненные отношения с мачехой Сацу во многом послужили причиной, по которой ему пришлось оставить заснеженные края родного Синано и отправиться из маленького селения Касивабара в город-миллионер Эдо, где прошло его становление как поэта. Льюис Маккензи, исследователь и переводчик творчества Иссы, отмечает, что Сацу принято описывать как трудолюбивую, строгую и требовательную женщину. Она не одобряла увлечение своего молчаливого пасынка стихосложением и другими занятиями, отвлекавшими его от помощи семье по хозяйству. Она обви-

няла его бабушку, что та избаловала мальчика, настояла на прекращении посещения им сельской храмовой школы-*тэракоя* (яп. 寺子屋) и даже якобы лишала его возможности читать и практиковаться в написании знаков, не позволяя ему зажигать свет в темное время суток. Исса, однако, старался не бросать свои увлечения и даже пытался писать иероглифы палочкой по золе очага. Свою же мачеху он награждал различными нелестными эпитетами, а в одном из приписываемых ему хайку ее лицо даже сравнивается с обликом змеи мамуси.

До определенных пор Ятаро (согласно сложившейся традиции жизнеописания Иссы, это было его детское имя) оставался единственным ребенком и, следовательно, главным наследником. Когда же в дом Кобаяси вошла Сацу, та вскоре родила его отцу Ягобэй еще одного сына. С этого времени Ятаро, ранее воспринимавшийся ей просто как избалованный и постоянно занятый не тем мальчишка, превратился в прямого конкурента ее родному ребенку, что сделало жизнь будущего поэта еще сложнее. Многим позже Исса, вспоминая детские и юношеские годы, писал, что мачеха часто била его, наговаривала на него отцу, пытаясь поссорить их, и не проходило и ночи, чтобы он не засыпал в слезах. Вскоре после того как умерла бабушка, Иссе пришлось покинуть дом и искать счастья в Эдо.

И хотя отец тепло к нему относился, перечить Сацу он не стал и принял решение расстаться со своим наследником на долгие годы.

Без этой семейной драмы, продолжившей череду утрат Иссы, но одновременно с этим послужившей началом длительного путешествия с последующим возвращением, возможно, в истории японской литературы было бы одним «гением поэзии хайку» меньше. И его стихотворения про упорную улитку, тощую лягушку, сонную кошку, сиротливого воробушка или лошадь, беспардонно потревожившую покой сонного светлячка, никогда не стали бы источником вдохновения и объектом переосмысления для великого множества поэтов, писателей и мыслителей по всему миру.

Утратив связь с семьей и выпав из женского окружения, он, уже повзрослевший, перестал сравнивать мачеху с гадюкой, и в его произведениях начали появляться женские образы другого типа. В ранних хайку, еще подражательных или ученических, Исса не обходит стороной тему любви: переживания, расставания и образы прекрасных дам. Не вполне типичное для его наиболее известных произведений, романтизированное и даже несколько старомодное описание разлуки с возлюбленной на рассвете — поэт изображен удаляющимся от ее дома, он оборачивается до тех пор, пока не скроется от взора за

утренним туманом. Автор критической биографии Иссы, исследователь Уэда Макото отмечает, что некоторые хайку ранней поры были написаны им с оглядкой на стиль его великого предшественника Ёса Бусона. Хотя отправной точкой для их создания могли служить не жизненные ситуации, непосредственное наблюдение и переживания, а описания чаемого, появление в них женских образов способно сказать многое о его желаниях, мечтах и тревогах.

Его проза в жанре *хайбун* (яп. 俳文), а также различные записи об интересовавших его событиях, периодически касаются любовной тематики. Осенью 1804 года Исса, например, будто бы с осуждением описывает историю двух влюбленных, сбежавших из дома, чтобы быть вместе. Вопреки ожиданиям, родители разыскали их, простили и позволили заключить союз, вдобавок положив им щедрое обеспечение. Уэда, однако, предлагает видеть здесь не Иссуморализатора, заступавшегося за конфуцианские нормы сыновней и дочерней почтительности и приводящего данную историю как пример неподобающего поведения молодых, но прислушаться к тону его повествования, чтобы отметить нотки зависти. Долгие годы у него не было ни своего постоянного угла, ни сколь-либо значительного заработка, и о подобном исходе он мог только мечтать.

На этот период приходится сразу несколько историй, в которых Исса, обращаясь к историческим анекдотам и прецедентам, равно как и к событиям, случившимся при нем, рассуждает о любви. И, как правило, приходит к неутешительным выводам... Всего за четыре дня до истории о беглецах он сделал запись о другой паре влюбленных, попытавшихся скрыться ото всех, уплыв из селения на лодке. Они погрузили в нее запас продовольствия на три месяца и отправились в путь, однако утонули под тяжестью груза. В начале зимы 1805 года Исса, узнав, что некоего буддийского монаха из храма Энгакудзи, что в Камакура, выставили на всеобщее обозрение у позорного столба в наказание за распутство, снова повествует о неотвратимости расплаты, следующей за чрезмерным увлечением любовным чувством.

В его хайбун имеется отсылка к знаменитому произведению Ёсида Канэёси «Записки на досуге», в одном из фрагментов которого мужчина, преуспевший во многих делах, но не имеющий интереса к женщинам и романтических связей, уподобляется бездонной чаше. Исса, однако, отмечает, что подобный типаж встречается столь же редко, как и существа из древних мифов, поскольку распутство стало частью мужской природы. В доказательство он приводит две истории, в которых знаменитые мужи прошлого становились жерт-

вами собственных чувств и страстей. В одной из них монах буддийской школы Сингон по имени Синдзэй (800–860) сбился с пути будды из-за любви к государыне Сомэ, превратившись в демона-*тэнгу* (яп. 天狗), который одолевал ее. В другой — легендарный бессмертный отшельник Кумэ утратил свои чудесные способности и стал обычным человеком, едва заведя, как девушка, стиравшая белье у реки, подоткнула подол, обнажив ноги. Исса проводит параллель между ними и монахом из Энгакудзи, привязанным к позорному столбу, и заключает: он, достигший столь многого в служении, нарушил свои обеты и лишился всего в одночасье из-за распущенности. Его вид показался поэту достойным жалости и одновременно с этим вызывающим отвращение, а свои чувства по этому поводу он передал в хайку, завершающем хайбун: «На земле, покрытой снежной кашей, лицо высокого монаха» (яп. 雪汁のかかる地びたに和尚顔, *юкидзирү но какару дзибита ни осёгао*).

Исса, в тот период не имевший твердой почвы под ногами и вынужденный вести самый скромный образ жизни, по мнению Уэда, не без удовольствия отмечает для себя истории, где действующие лица, подобно героям и героиням исторических анекдотов и преданий или популярных произведений Ихара Сайкаку, получают наказание за чрезмерное проявление

своей чувственности. Иногда его хайку, сложенные при виде влюбленных пар, не лишены сентиментальности и служат подтверждением невозможности обретения им подобного счастья. Так, например, Исса мечтает в следующей жизни переродиться бабочкой и порхать над полем, подобно случайно увиденным им молодым влюбленным. Или, глядя на попрошайку под мостом, зовущего к себе светлячков, задумывается, есть ли у него дети, и вспоминает о собственном одиночестве.

Помимо личных обстоятельств и нереализуемых желаний, у категоризма и порой сентиментальности, встречающихся в творчестве Иссы средних лет, могли быть также иные источники, в частности, неоконфуцианство и буддизм. Лежавшие в основе управленческой идеологии сёгуната Токугава неоконфуцианские идеи поощряли послушание и сдержанность и порицали любые формы излишеств, при этом уделяя внимание дому и семье. Традиции школы Дзёдо Синсю, к которой относился Исса (одно из множества имен, которые он использовал при жизни, даже звучало как «монах Исса, вступивший на путь в храме поэзии») и чьим влиянием исследователи нередко объясняют наличие множества хайку, посвященных насекомым и другим малым созданиям в творчестве поэта, также не приветствовали потворство мирским страстям.

Буддийская идея непостоянства, заметная в его поэзии и прозе, однако, касается и его жизни: настроения и взгляды Иссы на мир, при наличии в них определенного стержня, со временем менялись, и личное нередко брало верх над общими принципами этических концепций и религиозных систем, очерчивавших контуры, но не исчерпывавших все штрихи и детали его картины мира. На смену идеалам постепенно приходит здоровый прагматизм, позволяющий поэту не стесняться мирского в себе, а также отмечать в характерной для него манере забавные и противоречивые стороны явлений. Описывая красавицу под весенним дождем, он не забывает добавить, как она широко зевнула. Это, с одной стороны, создает комический эффект, достигающийся за счет обмана ожиданий, с другой — не отрицает любования героиней хайку.

Со временем Исса, формируя и совершенствуя свой поэтический голос, также учился слышать полифонию окружающего мира, складывающуюся далеко не только из всплесков воды и пения цикад, но и из зевков и даже куда более резких звуков. Он стремился находить разнообразные или даже противопоставляемые друг другу объекты и явления одинаково прекрасными. Он старался соблюдать буддийские заповеди и периодически корил себя за непоследовательность, однако при этом

не отказывался от чувственной стороны жизни или радости плотских удовольствий. Напоминая себе о непостоянстве жизни, иллюзорности бытия и неизбежности расставаний и смерти, он не стеснялся расписываться в бессилии перед глубокими душевными переживаниями и эмоциональными потрясениями.

В зрелые годы, добившись признания в качестве одного из лучших сочинителей хайку самого большого города в Японии, а возможно, и во всем мире на тот момент, он так и не сколотил состояния, но преуспел в ином. Исса приоткрыл другим поэта́м очарование собственной эстетики, допуская сочетание высокого и низкого и вопреки канонам позволявшей описывать красавиц зевающими, сморкающимися и не теряющими при этом своей женственности. За годы, проведенные в Эдо и странствиях по стране, он обрел друзей, учеников и почитателей, однако не обзавелся семьей, о чем очень жалел. Да и про его влюбленности или мимолетные встречи той поры сведений практически не сохранилось.

Лишь вернувшись в родное селение, похоронив любимого отца и позже разрешив в свою пользу тяжбу с мачехой и сводным братом из-за наследства (в результате ему отошла половина дома и амбар), Исса, разменяв шестой десяток, смог впервые жениться. Последние полтора десяти-

Научно-популярное издание
Танымал ылыми басылым

Кобаяси Исса

ЖЕНЩИНЫ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Руководитель направления *Ирина Мажаева*
Ответственный редактор *Анастасия Гусева*
Дизайнер обложки *Александра Дёмочкина*
Технический редактор *Ксения Кочурина*
Корректоры *Анастасия Мартинус Рохас, Наталья Соколова*
Верстальщик *Михаил Быковский*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.12.2025.
Формат 84×108/16. Гарнитура «Milas». Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 4000 экз. W-LPI-38803-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

